

„Хождение Игнатия Смольнянина“ — памятник московской литературы конца XIV века.

Игнатий, наряду с религиозными достопримечательностями Константинополя, описывает и некоторые политические события империи, свидетелем которых он был. Так, он описал вооруженное столкновение в Константинополе сторонников императора Иоанна II и сторонников императора Мануила II и пышную церемонию венчания на царство Мануила II.

Не так давно М. Н. Тихомиров отметил, что известное место Задонщины о том, как широко разнеслась слава о победе на Куликовом поле, свидетельствует об обширных международных связях Москвы времени создания Задонщины. „Здесь перед нами, — пишет М. Н. Тихомиров, — большой круг земель, до которых должна дойти весть о русской победе: Дербент (Железные врата), Рим, Кафа в Крыму, Тырнов в Болгарии и, наконец, Царьград (Константинополь) — вот те пункты, до которых дойдет слава. В других списках Задонщины добавлен еще Орнах, т. е. Ургенч в Средней Азии. Таковы отдаленные и разнообразные центры, которые были связаны с Москвой“.¹ Все это справедливо. Но это же место Задонщины свидетельствует еще об одном — о высоком уровне национального самосознания, которое побуждает Софонию Рязанца оценивать победу на Куликовом поле как событие, имеющее международное значение. Для истории политических идей Руси XIV—XV веков это особенно ценное свидетельство, каких немного еще в литературе этого времени.

Несколько ярче, чем в других литературных жанрах, интерес к международным событиям отражен в летописании XV века. Летописи охотно говорят о международных событиях, в первую очередь о нашествии азиатских народностей на Европу. Так, повести о Тохтамыше и о Темир-Аксаке (Тамерлане) сопровождаются рассказами о борьбе ханов между собою и борьбе Темир-Аксака с султаном османских турок Баязидом; рассказывается и биография Темир-Аксака. Изложение истории Руси предварялось сведениями из всемирной истории, взятыми из переводного Хронографа. По идее летописцев история Руси этим самым связывалась со всемирной историей человечества. Но, конечно, среди произведений XIV—XV веков, касающихся международной темы, на первом месте должен быть поставлен Русский хронограф 1442 года. В нем изложение всеобщей истории, как она обычно понималась в Византии, дополнено сведениями из истории славянских народов и древней Руси. Весь этот материал составитель Русского хронографа удачно расположил по хронологическим циклам, помещая в каждом цикле описания соответствующих событий из истории Византии, южных славян и древней Руси.² Это была сознательная попытка включить историю русского народа в общемировой исторический процесс.

Мы смогли коснуться только незначительной доли того богатства идей, которое характеризует подъем национального самосознания Руси XIV—XV веков. Но и этих немногих примеров достаточно для того, чтобы утверждать, что уже в первой половине XV века Московское княжество достигло такого уровня своего развития, при котором появление в его идеологической системе идеи равноправия или равенства Византии, Абхазии и Руси было вполне возможным.

¹ М. Н. Тихомиров. Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв. Вопросы истории, № 9, 1947, стр. 6.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 169, 199—200.